

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

Собрание сочинений в 12 томах. Том 6 //Правда, Москва, 1978

FB2: "Lion ", 23 Декабрь 2014, version 1.0

UUID: 3142F0E1-CF3D-45D1-B0E8-23C5A046BCE8

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Владимирович Маяковский

Стихотворения (1929)

Содержание

ПЕРЕКОПСКИЙ ЭНТУЗИАЗМ!	0009
#1	0009
ЛОЗУНГИ К КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКЕ. ГОТОВЬСЯ! ЦЕЛЬСЯ!	0013
#1	0013
ИТОГИ	0016
#1	0016
ГОВОРЯТ...	0019
#1	0019
ТЕОРЕТИКИ	0020
#1	0020
РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ	0023
#1	0023
МРАЧНОЕ О ЮМОРИСТАХ	0028
#1	0028
УРОЖАЙНЫЙ МАРШ	0032
#1	0032
ПРОВЕРЬ, ТОВАРИЩ, ПРАВИЛЬНОСТЬ ФАКТА — ТАК ИЛИ НЕ ТАК ЭТО	0035
#1	0035
ДУША ОБЩЕСТВА	0038
#1	0038
ДОЛОЙ ШАПКИ!	0042
#1	0042
ТИГР И КИСА	0045

#1	0046
ЧТО ТАКОЕ?	0048
#1	0048
КОТОРЫЙ ИЗ НИХ?	0052
#1	0052
ОНИ И МЫ	0057
#1	0057
КАНДИДАТ ИЗ ПАРТИИ	0060
#1	0060
МОНТЕ-КАРЛО	0062
#1	0062
ВОНЗАЙ САМОКРИТИКУ!	0066
#1	0066
ДВА СОРЕВНОВАНИЯ	0069
#1	0069
НА ЗАПАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО	0073
#1	0073
ЗАГРАНИЧНАЯ ШТУЧКА	0079
#1	0079
ПАРИЖАНКА	0083
#1	0083
КРАСАВИЦЫ	0088
#1	0088
СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ	0091
#1	0091
НОТА КИТАЮ	0096
#1	0096
ДОЛОЙ!	0098

#1	0098
ГОЛОСУЕМ ЗА НЕПРЕРЫВКУ	0102
#1	0102
ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ СЕМИДНЕВКА	0107
#1	0107
АНЧАР	0112
#1	0112
ЗАСТРЕЛЬЩИКИ	0116
#1	0116
АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЯЮТСЯ	0119
#1	0119
ДВА ОПИУМА	0122
#1	0122
НАДО БОРОТЬСЯ	0126
#1	0126
СМЕНА УБЕЖДЕНИЙ	0130
#1	0130
ПРИМЕР, НЕ ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ	0134
#1	0134
ПЕРВЫЙ ИЗ ПЯТИ	0137
#1	0137
В 12 ЧАСОВ ПО НОЧАМ	0140
#1	0140
ПОМНИТЕ!	0144
#1	0144
ПТИЧКА БОЖИЯ	0147
#1	0147
СТИХИ О ФОМЕ	0151

#1	0151
Я СЧАСТЛИВ!	0154
#1	0154
МЫ	0159
#1	0159
ДАЕШЬ!	0163
#1	0163
ОКТЯБРЬСКИЙ МАРШ	0166
#1	0166
РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА	0171
#1	0171
ЛОЗУНГИ ПО КИМУ	0176
#1	0176
ОТРЕЧЕМСЯ	0180
#1	0180
ОСОБОЕ МНЕНИЕ	0184
#1	0184
НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?	0188
#1	0188
СТИХ КАК БЫ ШОФЕРА	0193
#1	0193
ДАЕШЬ МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ!	0197
#1	0197
ПРОЛЕТАРКА, ПРОЛЕТАРИЙ, ЗАХОДИТЕ В ПЛАНЕТАРИЙ	0201
#1	0201
ПОСЛЕДНИЙ КРИК	0205

#1.....	0205
НЕ УВЛЕКАЙТЕСЬ НАМИ.....	0208
#1.....	0208
ЛЮБИТЕЛИ ЗАТРУДНЕНИЙ.....	0211
#1.....	0211
СТИХОТВОРЕНИЕ ОДЕЖНО-МОЛОДЕЖНОЕ.....	0215
#1.....	0215
Комментарии.....	0218
#1.....	0218

Владимир Маяковский
СТИХОТВОРЕНИЯ
1929

ПЕРЕКОПСКИЙ ЭНТУЗИАЗМ!

Часто
сейчас
по улицам слышишь
разговорчики
в этом роде:
«Товарищи, легче,
товарищи, тише.
Это
вам
не 18-й годик!»
В нору
влезла
гражданка Кротиха,
в нору
влез
гражданин Крот.
Радуются:
«Живем ничего себе,
тихо.
Это
вам
не 18-й год!»
Дама
в шляпе рубликов на сто

кидает
кому-то,
запахивая котик:
«Не толкаться!
Но-но!
Без хамства!

Это
вам
не 18-й годик!»
Малого
мелочь
работой скосила.

В уныньи
у малого
опущен рот...
Куда, мол,
девать
молодецкие силы?

Это
нам
не 18-й год!»

Эти
потоки
слюнявого яда
часто
сейчас
по улице льются...

Найдите, граждане!

И в 29-м

длится

и ширится

Октябрьская рево-

люция.

Мы живем

приказом

октябрьской во-

ли.

Огонь

«Авроры»

у нас во взоре.

И мы

обывателям

не позволим

баррикадные дни

чернить и позо-

рить.

Года

не вымерить

по единой мерке.

Сегодня

равноценны

храбрость и ра-

зум.

Борись

и в мелочах

с баррикадной
энергией,
в стройку
влей
перекопский энтузи-
азм.

ЛОЗУНГИ К КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЕРЕКЛИЧКЕ. ГОТОВЬСЯ! ЦЕЛЬСЯ!

На классовом фронте
ширяются стыч-
ки,—
враг наступает
и скрыто
и голо.

Комсомолия,
готовься к перекличке
боевой
готовности
комсомола.

Обыватель
вылазит
из норы крото-
вой,
готовится
махровой розой рас-
цвести.

Товарищи,
а вы
к отпору готовы?

Отвечай, комсомолец:

«Готово!

Есть!»

Распоясался

хулиган фатовый,
раздувает

угробленную

национальную

мечь.

Товарищи,

а вы

к отпору готовы?

Отвечай, комсомолец:

«Готово!

Есть!»

Цены взбираются —

и лавочные

и опто-

вые,—

вверх

циркачами

норовят влезть.

Товарищи,

а вы

к отпору готовы?

Отвечай, комсомолец:

«Готово!

Есть!»

Некоторые
за борьбой
одиннадцатиго-
довой
улеглись
(отдохнуть!)

на подхалим-
ство и лесть.

Товарищи,

а вы

к отпору готовы?

Отвечай, комсомолец:

«Готово!

Есть!»

Комсомолия,

готовься к перекличке

боевой

готовности комсомола.

На классовом фронте

ширятся стыч-

ки,—

враг наступает

и скрыто

и голо.

ИТОГИ

Были
 дни Рождества,
Нового года,
 праздников
 и торжества
пива
 и водок.
Был
 яд в четвертях
в доме рабочего.
Рюмки
 в пальцах вертя —
уставали потчевать.
В селах
 лился самогон...
Кто
 его
 не тянет?!
Хлеба
 не один вагон
спили
 крестьяне.
От трудов
 своих
 почив,
занавесившись с опаскою,

выдували
нэпачи
зашипевшее шампанское.
Свою
поддерживая статью,
воспоминаньями овееяны,
попы
садились
хлестать
сладчайшие портвейны.
И артист
и поэт
пить
валили валом
коньяки,—
а если нет,
пили
что попало.
На четверку
лап
встав,
христославы рьяные
крепко
славили Христа
матерщиной пьяною...
И меж ругани
и рвот
мир

опóенный
бодро
славил
Новый год
славой мордобойной...
Не введет
в социализм
дорога скользкая.
На битву
с бытом осклизлым,
сила
комсомольская,
швабру взять
и с бытом грязнень-
ким
выместит б
и эти праздники.

ГОВОРЯТ...

Барбюс обиделся — чего, мол, ради критики затеяли спор пустой? Я, говорит, не французский Панаит Истрати, а испанский Лев Толстой.

Говорят, что критики названия растравили — больше сравнивать не с кем! И балканский Горький — Панаит Истрати будет назван ирландским Достоевским.

Говорят — из-за границы домой попав, после долгих вóльтов, Маяковский дома поймал «Клопа» и отнес в театр Мейерхольда.

Говорят — за изящную фигуру и лицо, предчувствуя надобность близкую, артиста Ильинского профессор Кольцов переделал в артистку Ильинскую.

ТЕОРЕТИКИ

С интеллигентским
обличьем редьки
жили
в России
теоретики.
Сидя
под крылышком
папы да мамы,
череп
нагружали томами.
Понаучив
аксиом
и формул,
надевают
инженерскую форму.
Живут, —
возвышаясь
чиновной доро-
гою,
машину
перчаткой
изредка трогая.
Достигнув окладов,
работой не ра-
нясь,
наяривает

те-ка.
Объединись,
теория с практикой!

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетинка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.
Должно быть,
 под ним
 проходят тыся-
чи...
Лес флагов...

рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен,
хочется —
идти,
приветствовать,
рапор-
товать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адская
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищ и бголь,
ширится
добыча
угля и руды.
А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.

Устаешь
отбиваться и отгрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нет
им
ни числа,
ни клички,
целая
лента типов
тянется.
Кулаки
и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы,—
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь

и в значках нагруд-

ных...

Мы их

всех,

конечно, скрутим,

но всех

скрутить

ужасно трудно.

Товарищ Ленин,

по фабрикам дым-

ным,

по землям,

покрытым

и снегом

и жни-

вьём,

вашим,

товарищ,

сердцем

и именем

думаем,

дышим,

боремся

и живем!..»

Грудой дел,

суматохой явлений

день отошел,

постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

МРАЧНОЕ О ЮМОРИСТАХ

Где вы,
 бодрые задиры?
Крыть бы розгой!
 Взять в слезу бы!

До чего же
 наш сатирик
измельчал
 и обеззубел!

Для подхода
 для такого
мало,
 што ли,
 жизнь дрянна?

Для такого
 Салтыкова —
Салтыкова-Щедрина?
Заголовком
 жирно-алым
мозжечок
 прикрывши
 тощій,

ходят
 тихо
 по журналам
дореформенные тещи.
Саранчой

улыбки выев,
ходят
нэпманам на страх
анекдоты гробовые —
гроб
о фининспекторах.
Или,
злостью измусоля
сотню
строк
в бумажный крах,
пишут
про свои мозоли
от зажатья в цензорах.
Дескать,
в самом лучшем стиле,
будто
розы на заре,
лепестки
пораспустили б
мы без этих цензоров.
А поди
сними рогатки —
этаких
писцов стада
пару
анекдотов гадких
ткнут —

и снова пустота.
Цензоров
обвыли воем.
Я ж
другую
мыслью ранен:
жалко бедных,
каково им
от прочтенья
столькой дряни?
Обличитель,
меньше крему,
очень
темы
хороши.
О хорошенькую тему
зуб
не жалко искрошить.
Дураков
больших
обдумав,
взяли б
в лапы
лупы вы.
Мало, што ли,
помпадуров?
Мало —
градов Глуповых?

Припаси
на зубе
яд,
в километр
 жало возьми
против всех,
кто зря
сидят
на труде,
на коммунизме!
Чтоб не скрылись,
хвост упрятав,
крупных
вылови налимов —
кулаков
и бюрократов,
дураков
и подхалимов.

Измельчал
и обеззубел,
обэстетился сатирик.
Крыть бы в розги,
взять в слезу бы!
Где вы,
бодрые задиры?

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ

Добьемся урожая мы —
втройне,

земля,
рожай!

Пожалте,
уважаемый

товарищ, урожай!

Чтоб даром не потели мы
по одному,

по два —

колхозами,

артелями

объединись, братва.

Земля у нас хорошая,

землица неплоха,

да надобно

под рожь ее

заранее вспахать.

Чем жить, зубами щелкая

в голодные года,

с проклятою

с трехполкою

покончим навсегда.

Вредителю мы

начисто

готовим карачун.

с Америкой
иди, СССР!

Добьемся урожая мы —
втройне,

земля,

рожай!

Пожалте,

уважаемый

товарищ урожай!

ПРОВЕРЬ, ТОВАРИЩ, ПРАВИЛЬНОСТЬ ФАКТА — ТАК ИЛИ НЕ ТАК ЭТО

*Вот
что пишут рабкоры
про Севкавгосса-
хзавод:*

*— Экономия «Большевик».
Да впрямь —*

*большевик ли?
Большевизма
не видно,
хоть глаз вы-*

коли.

*Зав
Караченцев
откалывает коленца:
из комнаты Шахова,
в ярости зловещей,
зав*

*аховый
вышвыривает вещи,
со всем*

авторитетом веским
с окон
срывает занавески
и гордо говорит,
занавески выдрав:
— Этот Шахов —
контра и гидра!
А Логунов —
предрабочком —
теснит
работников
бочком.
Но нежен к родным,
нежней не найде-
те.
Родня
в учреждение тянется —
и тестя,
и зятя,
и дядя,
и тети,
и кумовья,
и племянницы.
Уважим также,
строкой одаря,
ячейкиного секретаря.
Нам грустно —
секретарь Седов,

должно быть,
 скоро
 станет вдов.

Он
 на глазах
 рабочей массы
жену до смерти отдубасил.
Рабочий класс,
 нажми плечистой
и в чистку эдаких прочисти!

ДУША ОБЩЕСТВА

Из года в год
 легенда тянется —
легенда
 тянется
 из века в век:
что человек, мол,
 который пьяница,—
разувлекательнейший человек.
Сквозь призму водки,
мол,
 все — красотки...
Любая
 гадина —
распривлекательна.
У машины
 общества
 поразвинтились
гайки —
люди
 лизжут
 довоенного лютэй.
Сколько
 заменяли
 водочные спайки
все
 другие

способы
общения людей?!

Если
муж
жену
истаскивает за воло-
сы —
понимай, мол,
я
в семействе барин!

—
это значит,
водки нализался
этот
милый,
увлекательнейший па-
рень.

Если
парень
в сногшибательней-
шем раже
доставляет
скорой помощи
калек —

ясно мне,
что пивом взбудоражен
этот
милый,

увлекательнейший чело-
век.
Если
 парень,
 запустивши лапу в кас-
су,
удостаивает
 сам себя
 и премий
 и наград
—
значит,
 был привержен
 не к воде и ква-
су
этот
 милый,
 увлекательнейший каз-
нокрад.
И преступления
 всех систем,
и хрип хулигана,
 и пятна быта
сегодня
 измеришь
 только тем —
сколько
 пива

и водки нап́ито.
Про пьяниц
много
пропето разного,—
из пьяных пеней
запомни только:
беги от ада
от заразного,
тащи
из яда
алкоголика.

смертища газовая.
Пока
 стальным окружим
враги
 не нависли,
крепись —
 во всеоружии
техники
 и мысли!

ТИГР И КИСА

Кийс был начальником Ленинградского исправдома. В результате ряда омерзительных поступков его перевели в Москву на должность... начальника Таганского исправдома.

В «Таганке» Кийс орудовал старыми приемами. Разоблачивший Кийса общественник Сотников после трех незаслуженных выговоров был уволен.

ГУМЗ восстановило Сотникова. Но вмешался Наркомюст, и Сотникова вновь уволили. Дело тянется до сих пор. А Кийс, замешанный в ряде других темных дел, назначен ГУМЗ... начальником Сокольнического исправдома.

(Из письма юнкора)

Кипит, как чайник,
и кроет беспардонно
Кийс —

начальник
Таганского исправдома.
Но к старшим
у Кийса
подход

кисы.
Нежность в глазках.
Услужлив
и ласков.

Этому
Кийсу
потворствуют выси.
Знакомы густо
от ГУМЗ
до Наркомюста.
А товарищ Сотников
из маленьких работников.
Начальству

взирать ли
на мелких надзирателей?
Тем более,
если

служители мелкие
разоблачать полезли
начальника проделки?

И нач, зубами
Кийса,
в Сотннкова вгрызся.

Кийс
под ласковость высей
докатился до точки.

Не пора ль
этой Кийсе
пообстричь коготочки,
чтоб этот

Кийс
умолк
и скис.

такой.

Рвет

бумажки,

мигом вызнав.

Тают,

как от солнца иней.

Этих

всех

бюрократизмов

просто

нету и в помине.

Свет

в лице

играет с тенью...

Где вы,

кисть

или резец?!

Нет

названий

поведенью,

поведенье —

образец.

Целомудрен,

— смейтесь, куры! —

Нету

силы

надивиться:

не плюет,

не пьет,
не курит
и
не смотрит на девиц он.
Петр Иванович,
что такое?
Кто
подумать это мог!
Поведенье
таковое
нам,
простите,
невдомек.
Что случилось
с вами,
милый?
Расцвели вы
и взялись
с разутроенною силой
строить
нам
социализм.
Эти
возгласы
не в тон,
лоб
в сомнении
не тискай...

Что такое?

Это —

он

подтянулся

перед чисткой.

КОТОРЫЙ ИЗ НИХ?

Товарищами
были они
по крови,
а не по штатам.
Под рванью шинели
прикончивши
дни,
бурчали
вдвоем
животом одним
и дрались
вдвоем
под Кронштад-
том.
Рассвет
подымался
розоволик.
И в дни
постройки
иковки
в два разных конца
двоих
развели
губкомовские путевки.
В трущобе
фабричной

первый корнел,
где путалась
 правда
 и кривда,
где стон
 и тонны
 лежат на горбе
переходного периода.
Ловчей
 оказался
 второй удалец.
Обмялся
 по форме,
 как тесто.
Втирался,
 любезничал,
 лез
 и долез
до кресла
 директора треста.
Стенгазнул
 первый —
 зажим тугой!
И черт его
 дернул
 водить рукой,—
смахнули,
 как бы и нет.

И первый
через месяц-другой
к второму
вошел в кабинет.
«Товарищ...
сколько мы...
лет и зим...

Гора с горою...
Здорóво!»

У второго
взгляд —
хоть на лыжах
скользи.

Сидит
собакой дворовой.
«Прогнали, браток...
за што? —
не пой-

му.
Хоть в цирке
ходи по канату».

«Товарищ,
это
не по моему
ведомству
и наркомату».

«Ты правде,
браток,

а не мне пособи,
вгрызи
в безобразие
челюсть».

Но второй
в ответ
недовольно сопит,
карандашами ощерясь:
«А-а-а!
Ты за протекцией.
Понял я вас!»

Аж камень
от гнева
завянет.
«Как можно,
без всяких
протекций
явясь,
просить о протекции?
Занят».

Величественные
опускает глаза
в раскопку
бумажного клада.
«Товарищ,
ни слова!
Я сказал,
и...

прошу не входить
без доклада».

По камню парень,
по лестнице
вниз.

Оплеван
и уничтожен.

«Положим, братцы,
что он —
комму-
нист,
а я, товарищи,
кто же?»

В раздумьи
всю ночь
проштался те-
нью,
а издали,
светла,
нацелилась
и шла к учреждению
чистильщика солнца
метла.

ОНИ И МЫ

В даль глазами лезу я...
Низкие лесёнки;
мне
 сия Силезия
влезла в селезенки.
Граница.
 Скука польская.
Дальше —
 больше.
От дождика
 скользящая
почва Польши.
На горизонте —
 белое.
Снега
 и Негорелое.
Как приятно
 сó снегу
вдруг
 увидеть сосенку.
Конечно —
 березки,
снегами припарядясь,
в снежном
 лоске
большущая радость.

Километров тыщюю
на Москву

рвусь я.

Голая,

нищая

бежит

Белоруссия.

Приехал —

сошел у знакомых кар-

тин:

вокзал

Белорусско-Балтийский.

Как будто

у прókлятых

лозунг один:

толкайся,

плюйся

да тискай.

Мука прямо.

Ездить —

особенно.

Там —

яма,

здесь —

колдобина.

Загрустил, братцы, я!

Дыры —

дразнятся.

Мы
и Франция...
Какая разница!
Но вот,
вработываясь
и оглядывая,
как штопается
каждая дырка,
насмешку
снова
ломаешь надвое
и перестаешь
европейски фыркать.
Долой
подхихикивающих разинь!
С пути,
джентльмены лаковые!
Товарищ,
сюда становись,
из грязи
рабочую
жизнь
выволакивая!

КАНДИДАТ ИЗ ПАРТИИ

Сколько их?
Числа им нету.
Пяля блузы,
пяля френчи,
завели по кабинету
и несут
повинность эту
сквозь заученные речи.
Весь
в партийных причиндалах,
ноздри вздернул —
крыши выше...
Есть бумажки —
прочитал их,
нет бумажек —
сам напишет.
Все
у таких
в порядке,
не язык,
а маслобой...
Служит
и играет в прятки
с партией,
с самим собой.
С классом связь?

Какой уж класс

там!

Классу он —

одна помеха.

Стал

стотысячным балластом.

Ни пройти с ним,

ни проехать.

Вышел

из бойцов

с годами

в лакированные душки...

День пройдет —

знакомой даме

хвост

накрутит по вертушке.

Освободиться бы

от ихней братии,

удобней будет

и им

и партии.

МОНТЕ-КАРЛО

Мир
 в тишине
 с головы до пят.

Море —
 не запятнётся.

Спят люди.
 Лошади спят.

Спит —
 Ницца.

Лишь
 у ночи
 в черной марле

фары
 вспыхивают ярки —
это мчится
 к Монте-Карле

автотранспорт
 высшей марки.

Дым над морем —
 пух как будто,
продолжая пререкаться,
это
 входят
 яхты
 в бухты,
подвозя американцев.

Дворцы
и палаццо
монакского прин-
ца...
Бараны мира,
пожалте бриться!
Обеспечены
годами
лет
на восемьдесят семь,
дуют
пиковые дамы,
продуваясь
в сто систем.
Демонстрируя обнови,
выигравших подсмотрев,
рядом
с дамою бубновой
дует
яро
дама тref.
Будто
горы жировые,
дуют,
щеки накалив,
настоящие,
живые
и тузы

и короли.
Шарик
 скачет по рулетке,
руки
 сыпят
 франки в клетки,
трутся
 карты
 лист о лист.
Вздув
 карман
 кредиток толщиной
— хоть бери
 его
 на ощупь! —
вот он —
 капиталист.
Вот он,
 вот он —
 вор и лодырь —
из
 бездельников-деляг,
мечет
 с лодырем
 колоды,
мир
 ограбленный
 деля.

Чтобы после
на закате,
мозг
расчетами загадив,
отягчая
веток сеть,
с проигрыша
повисеть.
Запрут
под утро
азартный зуд,
вылезут
и поползут.
Завидев
утра полосу,
они ползут,
и я ползу.
Сквозь звезды
утро протекало;
заря
ткалась
прозрачно, ало,
и грязью
в розоватой кальке
на грандиозье Монте-Карло
поганенькие монтекарлики.

ВОНЗАЙ САМОКРИТИКУ!

Наш труд
 сверкает на «Гиганте»,
сухую степь
 хлебами радуя.
Наш труд
 блестит.
 Куда ни гляньте,
встает
 фабричную оградою.
Но от пятна
 и солнца блеск
не смог
 застраховаться,—
то ляпнет
 нам
 пятно
 Смоленск,
то ляпнут
 астраханцы.
Болезнь такая —
 глубока,
не жди,
 газеты пока
статейным
 гноем вытекут,—
ножом хирурга

в бока
вонзай самокритику!
Не на год,
не для видика
такая
критика.
Не нам
критиковать крича
для спорта
горластого,
нет,
наша критика —
рычаг
и жизни
и хозяйства.
Страна Советов,
чисть себя —
нутро и тело,
чтоб, чистотой
своей
блестя,
республика глядела.
Чтоб не шатать
левой,
правей
домину коммунизма,
шатающихся
проверь

своим
 рабочим низом.
Где дурь,
 где белых западня,
где зава
 окружит родня —
вытравливай
 от дня до дня
то ласкою,
 то плетью,
чтоб быстро бы
 страну
 поднять,
идя
 по пятилетию.
Нам
 критика
 из года в год
нужна,
 запомните,
как человеку —
 кислород,
как чистый воздух —
 комнате.

ДВА СОРЕВНОВАНИЯ

Европу
 огибаю
 железнодорожным
туром
и в дымные дни
 и в ночи лунные.
Черт бы ее взял! —
 она не дура,
она, товарищи,
 очень умная.
Здесь
 на длинные нити расчета
бусы часов
 привыкли низаться,
здесь
 каждый
 друг с другом
 спорит до
черта
по всем правилам рационализа-
ции.
Французы соревнуются
 с англичанами
рыжими:
кто
 из рабочего

больше выжмет.
Соревнуются партии
(«рабочая»
наипа-
че!),
как бы
рабочего
почище околпачить.
В полицейской бойне,
круша и калеча,
полиция соревнуется
(особенно эсде-
чья).
Газеты соревнуются
во весь рот,
кто
СССР
получше обоврет.
Миротворцы соревнуются
по Лигам на-
ций,
с кем
вперегонки
вооружением
гнаться.
«Соседи»,
перед тем
как попробовать

видели!
В работе
и в обороне
выходите сорев-
новаться,
молодой республики
молодые строи-
тели!

недаром кругла!
Кто-нибудь
кого-нибудь
подстреливает
из-за угла.
Целят —
в сердце.
В самую точку.
Одно
стрельбы командирам
надо —
бунтовщиков
смирив в одиночку,
погнать
на бойню
баранье стадо.
Сегодня
кровишка
мелких стычек,
а завтра
в толпы
танки тыча,
кровищи
вкус
война поймет,—
пойдет
хлестать
с бронированных

птичек
железа
и газа
кровавый помет.

Смотри,
выступает
из близких лет,
костьми постукивает
лошадь-краса.

На ней
войны
пожелтый скелет,
и сталью
синеет
смерти коса.

Мы,
излюбленное
пушечное лаком-
ство,
мы,
оптовые потребители
костьлей
и

протез,
мы
выйдем на улицу,
мы
1 августа

аж к небу
 звездами
 прибьем протест.
Долой
 политику
 пороховых бочек!
Довольно
 дóма
 пугливо шуплиться!
От первой республики
 крестьян и ра-
бочих
отбросим
 войны
 штыкастые шупаль-
цы.
Мы
 требуем мира.
 Но если
 тронете,
мы
 в роты сожмемся,
 сжавши рот.
Зачинщики бойни
 увидят
 на фронте
один
 восставший

рабочий фронт.

ЗАГРАНИЧНАЯ ШТУЧКА

Париж,
как сковородку желток,
заливал
электрический ток.
Хоть в гости,
хоть на дом —
женщины
тучею.
Время —
что надо —
распроститучье.
Но с этих ли
утех
французу
распалиться?
Прожили, мол,
всех,
кроме
полиции.
Парижанин
глух.
Но все
мусьи
подмигивают
на углу
бульвар де Капюсін.

Себя
 стеля
идушим
 дорогою,
на двух
 костылях
стоит
 одноногая.
Что
 была
 за будущность?
Ну —
 были ноги.
Была
 одной из будочниц
железной
 дороги,
Жила,
 в лохмотьях кроясь,
жуя
 понемногу.
И вдруг
 на счастье
 поезд
ей
 срезал ногу.
Пролечена
 выплата.

Поправлена
еле,
работница
выплюнута
больницей
в панели.
Что толку
в ногатых?
Зеваешь,
блуждая.
Пресыщенность
богатых
безножье
возбуждает.
Доказательство —
налицо.
Налицо —
факт.
Дрянцо
с пыльцой,
а девушка
нарасхват.
Платье
зеленое
выпушено
мехом,
девушка
определенно

пользуется
успехом.

Стихом
беспардонным
пою,
забывши
меру —
как просто
за кордоном
сделать
карьеру.

ПАРИЖАНКА

Вы себе представляете
парижских
женщин
с шеей разжемчуженной,
разбриллиан-
тенной рукой...
Бросьте представлять себе!
Жизнь —
жес-
тче —
у моей парижанки
вид другой.
Не знаю, право,
молода
или стара она,
до желтизны
отшлифованная
в лоще-
ном хамье.
Служит
она
в уборной ресторана —
маленького ресторана —
Гранд-
Шомьер.
Выпившим бургундского

может захо-

теться

для облегчения

пойти пройтись.

Дело мадмуазель

подавать полотен-

це,

она

в этом деле

просто артист.

Пока

у трюмо

разглядываешь пры-

щик,

она,

разулыбив

облупленный рот,

пудрой подпудрит,

духами попрыщет,

подаст пипифакс

и лужу подотрет.

Раба чревоугодий

торчит без солнца,

в клозетной шахте

по суткам

клопея,

за пятьдесят сантимов!

(по курсу чер-

вонца
с мужчины
около
четырёх копеек)
Под умывальником
ладони омывая,
дыша
диковиной
парфюмерных зе-
лий,
над мадмуазелью
недоумевая,
хочу
сказать
мадмуазели:
— Мадмуазель,
ваш вид,
извините,
жа-
лок.
На уборную молодость
губить не жал-
ко вам?
Или
мне
наврали про парижанок,
или
вы, мадмуазель,

не парижанка.
Выглядите вы
туберкулезно
и вяло,
чулки шерстяные...
Почему не шелка?
Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька? —
Мадмуазель молчала,
грохот наваливал
на трактир,
на потолок,
на нас.
Это,
кружа
веселье карнавалово,
весь
в парижанках
гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,
за стих раскре-

женственный

и

за описанные

вонючие лужи,

но очень

трудно

в Париже

женщине,

если

женщина

не продается,

а служит.

КРАСАВИЦЫ

(РАЗДУМЬЕ НА ОТКРЫТИИ GRAND OPERA)

*В смокинг виштопорен,
побрит что надо.*

По гранд

по опере

гуляю грандом.

Смотрю

в антракте —

красавка на красавице.

Размяк характер —

всё мне

нравится.

Талии —

кубки.

Ногти —

в глянце.

Крашенные губки

розой убиганятся.

Ретушь —

у глаза.

Оттеняет синь его.

Спины

из газа

цвета лососиньего.

Упадая
с высоты,
пол
метут
шлейфы.
От такой
красоты
сторонитесь, рефы.
Повернет —
в брильянтах уши.
Пошевélится шалья —
на грудишке
ряд жемчужин
обнажают
шеншила.
Платье —
пухом.
Не дыши.
Аж на старом
на морже
только фай
да крепдешин,
только
облако жоржет.
Брошки — блещут...
на тебе! —
с платья
с полуголого.

Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голове.

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —

отношение левое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским левою.
Глазами
доброто дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский —
глядят,
как в афишу ко-
за.
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что это за
географические новости?
И не повернув
голова кочан
и чувств

никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.

И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.

Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал

змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначаше
глаз носильщи-
ка,
хоть вещи
снесет задаром вам.
Жандарм
вопросительно
смотрит на
сыщика,
сыщик
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской
кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молотка-
стый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.

К мандатам
почтения нету.

К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.

Но эту...

Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Руку
на долгую дружбу
дай,
сотнемиллионный
рабочий Китай!
Давайте, китайцы,
вместе с Китаем
с империалистами
счета сквитаем.

Но —
не мерещится пусть
Китаю,
что угрозами
нас
закидают.

Если
белогвардейская стая
к нашим границам
двинет
с Китая —
стиснем винтовки,
шинели
скатаем,
выйдем
в бои
с генеральским Кита-
ем.

ДОЛОЙ!

ЗАПАДНЫМ БРАТЬЯМ

Старья лирозвоны
умели вывести
лик войны
завидной красотости.
В поход —
на подвиг,
с оркестром и
хором!
Девщицы глазеют
на золото форм.
Сквозь губки в улыбке,
сквозь звезды
очей —
проходят
гусары
полком усачей.
В бою погарцуи —
и тебе
за доблести
чины вручены,
эполеты
и области.
А хочешь —
умри

дом,—
тебе
века
взмонументят награду.
Кое-кто
и сегодня
мерином сивым
подвирает,
закусив
поэтические уди-
ла.
«Красивые,
они во всем красивом,
несли свои тела...»
Неужели красиво?
Мерси вам
за эти самые
красивые дела!
Поэтами облагороженная
война и воен-
щина
должна быть
поэтом
оплевана и раз-
венчана.
Война —

это ветер
трупной вонищи.
Война —
завод
по выделке нищих.
Могила
безмерная
вглубь и вширь,
голод,
грязь,
тифы и вши.
Война —
богатым
банки денег,
а нам —
костылей
кастаньетный
теньк.
Война —
приказ,
война —
манифест:
— Любите
протезами
жен и невест! —
На всей планете,
товарищи люди,
объявите:

войны не будет!
И когда понадобится
кучки
правителей и
правительств
истребить
для мира
в целом свете,
пролетарий —
мира
глашатай и про-
видец —
не останавливайся
перед этим!

ГОЛОСУЕМ ЗА НЕПРЕРЫВКУ

Колокола.

Ни гудка,
ни стука.

Бронзовая скука.

Патлы

маслом прилампадя,
сапоги
навакся,

в храм

живот

приносит дядя:

«Божья мать —

накося!»

Вместе с дядею —

жена

шестьует

важно.

Как коמוד —

сложена,

как павлин —

ряжена.

Искрестилась толпа,

отмахала локоть.

Волосатого

попа
надоть
в лапу
чмокать.
К дому,
выполнив обряд,
прутся
дядя с тетей.
Здесь уже с утра
сидят
мухи на компоте.
Семья
садится радостно
вокруг
сорокоградусной.
От водки,
от Христовых дум
философует
нежный
ум.
Сияет
каждый атом
под серебристым
матом.
Перейдут
на мордобой,
кончив
водку

эту.
Дальше
всё
само собой,
как
по трафарету.
Воскресный город
избит
и испит,
спит
под листком красненьким.
И это
у нас
называлось
«быт»
и называлось —
праздником.
Заря
взвивается светла,
во рту
заметна убыль.
Пречистая
метет
метла
волосья
и зубы.
Сам
господь всеблагой

крестит
 пухлой рукой
этот быт
 блошино-мушиный.
И вот этот
 такой
паутинный покой
изничтожит
 товарищ машина.

Эх,
 машинушку пустим,
непрерывная —
 сама пойдет.

Наладим,
 подмажем
 да пустим!

На карте Союза
 из каждой клетки
встают
 гиганты
 на смотр пятилет-
ки.

Сквозь облачный пар,
 сквозь дымные
клубы
виденьем
 встают
 стадионы и клубы.

На месте
колокольного уханья
пыхтит
аппетитно
фабрика-кухня.
И день,
наступивший
на примус,
на плиты,
встает
электричеством облитый.
Пусть
гибнуций быт
обывателю
бед-
ствие!
Всем пафосом
стихотворного рыка
я славлю вовсю,
трублю
и привет-
ствую
тебя —
производственная непре-
рывка.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ СЕМИДНЕВКА

Товарищи,
мой педагогический стих
вам преподать рад.
Надо вам следующие изобрести
за аппаратом аппарат.
Во-первых, такой аппарат желате-
лен:
приладив рычаги и винтики,
изобретите мощный
«электроразжи-
матель»
для зажимателей самокритики.
Во-вторых,

большущий
ватман-ковёр
расчертите
изобретеньем новень-
ким,
придумайте
спешно
«автоуховерт»
для проворота
ушей
чиновникам.
В-третьих,
комбинируя
мало-помалу
систему
рычагов и домкратов, —
изобретите
«автомехановышибалу»
для
вышибания бюрократов.
В-четвертых,
чтоб не подменяли
энер-
гию масс
деятельностью
староспецовского ло-
на,
изобретите

и усовершенствуйте
«КОМ-

ватер-пас»
для выявления
руководительских
укло-

нов.
В-пятых,
объединив
электрический

ток
с трубопроводом
близким,
изобретите
особый
канализационный

сток
для отвода
канцелярской отписки.

В-шестых,
если «завтраками»
вас
то-

мят —
снимите
с хозяйственников
бремя —

изобретите

«антиволокитоаппа-
рат»
для выдачи
изобретателям
премий.
В-седьмых,
подумайте,
усевшись на
крыльцо,
и выдумаете,
когда посидите,
чтоб делалось
в учреждениях
привет-
ливое лицо,
если
явится
изобретатель-посети-
тель.
Выполнив
мой
руководящий стих,
в любое
учреждение
забредайте:
может
всё, что угодно,
изобрести —

будет
обласкан
изобретатель.

АНЧАР

(ПОЭМА ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВЕ)

Кто мчится,
кто скачет,
кто лазит и но-
сится
неистовой
бешеного письмоноса?
Кто мчится,
кто скачет,
не пьет и не
ест,—
проситель
всех
заседающих мест?
Кто мчится,
кто скачет
и жметя гони-
мо,—
и завь,
гордясь,
проплывают мимо?
Кто он,
который
каждому в тягость,
меж клумбами граждан —

травую сор-
ной?
Бедный родственник?
Беглый бродяга?
Лишенный прав?
Чумной?
Беспризор-
ный?
Не старайтесь —
не угадать,
куда
фантазией ни забредайте!
Это
прошагивает
свои года
советский изобретатель.
Он лбом
прошибает
дверную серию.
Как птицу,
утыкали перья.
С одной
захлопнутой
справится две-
рюю —
и вновь
баррикадина дверья.
Танцуй

по инстанциям,
смета и план!
Инстанций,
кажись,
не останется,
но вновь
за Монбланом
встает Мон-
блан
пятидесяти инстанций.
Ходил
юнец и сосунок,
ходил
с бородкою на лице,
ходил седой...
Ходил
и слег,
«и умер
бедный раб
у ног
непобедимого владыки».
Кто «владыки»?
Ответ не новенький:
хозяйствующие
чиновники.
Ну, а нельзя ли
от хозяйства
их

отослать

губерний за сто?

Пусть

в океане Ледовитом

живут

анчаром ядовитым.

ЗАСТРЕЛЬЩИКИ

Довольно
ползало
время-гад,
копалось
время-крот!
Рабочий напор
ударных бригад
время
рвани
вперед.
По-новому
перестраивай жизнь —
будни и праздники
выровняй.
День ко дню
как цепочка нижись,
непрерывней
и дисциплинированной.
Коммуна —
дело годов,
не веков —
больше
к машинам
выставь
квалифицированных кадровиков
шахтеров,

токарей,
мотористов.
Обещаем
мы,
слесаря и резчики:
вынесем —
любая
работа взвались.
Мы —
зачинатели,
мы —
застрельщики
новой
пятилетки
боев за социализм.
Давай
на тракторе,
в авто
и вагоне
на
пятилетнем перегоне
заносчивых
американцев
догоним,
догоним —
и перегоним.
В стройке,
в ковке,

в кипеньи литья,
всею
силой бригадовой
по
пятилетнему плану
идя,
шагом
год
выгадывай.

АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЯЮТСЯ

Обмерев,
с далекого берега
СССР
глазами выев,
привстав на цыпочки,
смотрит Аме-
рика,
не мигая,
в очки роговые.
Что это за люди
породы редкой
копошатся стройкой
там,
поодаль?
Пофантазировали
с какой-то пяти-
леткой...
А теперь
выполняют
в 4 года!
К таким
не подойдешь
с американской
меркою.

Их не соблазняют
ни долларом,
ни грив-
ною,
и они
во всю
человечью энергию
круглую
неделю
дуют в непрерывную.
Что это за люди?
Какая закалка!
Кто их
так
в работу вклинил?
Их
не гонит
никакая палка —
а они
сжимаются
в стальной дисци-
плине!
Мистеры,
у вас
практикуется исста-
ри
деньгой
окупать

строительный но-
ров.
Вы
не поймете,
пухлые мистеры,
корни
рвения
наших коммунаров.
Буржуи,
дивитесь
коммунистическо-
му берегу —
на работе,
в аэроплане,
в вагоне
вашу
быстроногую
знаменитую Аме-
рику
мы
и догоним
и перегоним.

ДВА ОПИУМА

Вливали
в Россию
цари
вино да молеб-
ны,—
чтоб
вместо класса
была
дурацкая
паства,
чтоб
залить борьбу
красноголовым
да хлебным,
чтоб
залить борьбу
пожарной киш-
кой пьянства.
Искрестившийся народ
за бутылками
орет.
В пляс —
последняя копейка.
Пей-ка,
лей-ка
в глотку

водку.
Пей,
пока
у кабака
ляжешь
отдохнуть
от драк,
расфонаренный дурак.
С таким ли
винолизом
выстроить
социализм?
Справится ли
пьяным
с пятилетним планом?
Этим ли
сжать
себя
в дисциплине?
Им
не пройти
и по ровной линии!
Рабочий ответ —
нет!
В жизнь
вонзи,
строитель-класс,
трезвую волю

и трезвый глаз.

Мы

были убогими,

были

хромыми,

в покорных молитвах

горбились в хра-

ме.

Октябрь

эту рухлядь

и вымыл,

и вымел,

и выдал нам

землю

у зелени в раме.

Не сгубим

отдых

в пьяной запарке,

не водку в глотку,

а в лодку

на водах!

Смотри —

для нас

расчищаются пар-

ки,

и с флагов

сияет

«Культура и от-

дых».

Рабочий класс

колонны

вывел

в олимпиады

и на стадионы.

Заменим

звоном

шагов в коллективе

колоколов

идиотские звоны.

Мы

пафосом новым

упьемся дóпьяна,

вином

своих

не ослабим волю.

Долой

из жизни

два опиума —

бога

и алкоголь!

НАДО БОРОТЬСЯ

У хитрого бога
лазеек —

много.

Нахально

и прямо

гнусавит из храма.

С иконы

глядится

Христос сладколищый.

В присказках,

в пословицах

господь славословится,

имя

богово

на губе

у убогова.

Галдят

и донине

родители наши

о божьем

сыне,

о божьей

мамаше.

Про этого самого

хитрого бога

поются

поэтами
разные песни.
Окутает песня
дурманом, растрогав,
зовя
от жизни
лететь поднебесней.
Хоть вешай
замок
на церковные ту-
ши,
хоть все
иконы
из хаты выставь.
Вранье
про бога
в уши
и в души
пролезет
от сладкогласых бапти-
стов.
Баптисту
замок
повесь на уста,
а бог
обернется
похабством хлыста.
А к тем,

кого
не поймать на бабца,
господь
проберется
в пищаньи скопца.
Чего мы ждем?
Или
выждать хочет-
ся
пока
и церковь
не орабочится?!
Религиозная
гудит ерундистика,
десятки тысяч
детей
перепортив.
Не справимся
с богом
газетным ли-
стиком —
несметную
силу
выставим против.
Райской бредней,
загробным чаяньем
ловят
в молитвы

душевных уродцев.

Бога

нельзя

обходить молчанием —

с богом пронырливым

надо

бороться!

СМЕНА УБЕЖДЕНИЙ

Он шел,
 держась
 за прутья перил,
сбивался
 впотьмах
 косоного.

Он шел
 и орал
 и материл
и в душу,
 и в звезды,
 и в бога.

Вошел —
 и в комнате
 водочный дух
от пьяной
 перенагрузки,
назвал
 мимоходом
 «жидами»
 двух

самых
 отъявленных русских.
Прогромыхав
 в ночной тишине,
встряхнув

семейное ложе,
миролюбивой
и тихой жене
скулу
на скулу перемножил.
В буфете
посуду
успев истолочь
(помериться
силами
не с кем!),
пошел
хлестать
любимую дочь
галстуком
пионерским.
Свою
мебелишку
затейливо спутав
в колонну
из стульев
и кресел,
коптилку-
лампадку
достав из-под спу-
да,
под мать,
под божью

Потом
свалился,
вымолвив:
«Ух,
проклятые черти,
вычистили!!!»

ПРИМЕР, НЕ ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

Тем, кто поговорили и бросили

Все —

в ораторском таланте.

Пьянке —

смерть без колебания.

Это

заседает

анти-

алкогольная компания.

Кулаком

наотмашь

в грудь

бьют

себя

часами кряду.

«Чтобы я?

да как-нибудь?

да выпил бы

такого яду?!»

Пиво —

сгинь,

и водка сгинь!

Будет

сей порок

излечен.
Уменьшает
он
мозги,
увеличивая
печень.
Обсудив
и вглубь
и вдоль,
вырешили
всё
до толики:
де —
ужасен алкоголь,
и —
ужасны алкоголики.
Испершив
речами
глотки,
сделали
из прений
вывод,
что ужасный
вред
от водки
и ужасный
вред от пива...
Успокоившись на том,

выпив
чаю
10 порций,
бодро
вылезли
гуртом
яростные
водкоборцы.
Фонарей
горят
шары,
в галдеже
кабачный улей,
и для тени
от жары
водкоборцы
завернули...

Алкоголики,—
воспряньте!
Неуместна
ваша паника!
гляньте —
пиво хлещет
анти-
алкогольная компания.

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЯТИ

Разиньте
 шире
 глаза раскаленные,
в газету
 вонзайте
 зрачков резцы.
Стройтесь в ряды!
 Вперед, колонны
первой
 армии
 контрольных цифр.
Цифры выполнения,
 вбивайте клинья,
цифры повышений,
 выстраивайтесь,
стройны!
Выше взбирайся,
 генеральная линия
индустриализации
 Советской стра-
ны!
Множьтесь, единицы,
 в грабли и вилы.
Перед нулями
 станьте на-караул.
Где вы,

лозунг:

«Пятилетка —
в 4 года!»

В четыре!

В четыре!

В четыре!

В 12 ЧАСОВ ПО НОЧАМ

Прочел:

«Почила в бозе...»

Прочел

и сел

в задумчивой позе.

Неприятностей этих

потрясающее ко-

личество.

Сердце

тоской ободрано.

А тут

еще

почила императрица,

государыня

Мария Феодоровна.

Париж

печалью

ранен...

Идут князья и дворяне

в храм

на «рю

Дарю».

Старухи...

наружность жалка...

Из бывших

фрейлин

мегеры

встают,

волоча шелка...

За ними

в мешках-пиджаках

из гроба

встают камергеры.

Где

ваши

ленты андреевские?

На помочи

лент отрезки

пошли,

штаны волоча...

Скрываясь

от ламп

от резких,

в одном лишь

лы́синном блеске,

в двенадцать

ч а с о в

ПО НОЧАМ

из гроба,

тише, чем мыши,

мундиры

пропив и прожив,

из гроба

выходят «бывшие»

сенаторы
и пажи.
Наморщенные,
как сычи,
встают
казаки-усачи,
а свыше
блики
упали
на лики
их
вышибальи.
Ссылая
песок и пыль,
из общей
могилы братской
выходят
чины и столпы
России
императорской...
Смотрю
на скопище это.
Явилисьсь...
сомнений нет,
они
с того света...
или
я

на тот свет.
На кладбищах
не пляшут лихо...
Но не буду
печаль корчить.
Королевы
и королихи,
становитесь в очередь.

ПОМНИТЕ!

Плохая
погодка
у нас на Ламанше.
У нас
океан
рукавом как замашет —
пойдет взбухать
водяная квашня.
Людям —
плохо.
Люди — тошнят.
Люди —
скисли.
И осатанели.
Люди
изобретают тоннели.
Из Франции в Англию
корректно,
парадно
ходите
пешком
туда и обратно.
Идешь
под ручку —
невеста и ты,
а над тобой

проплывают киты.
Кафе.
Оркестр
фокстротит игру.
А сверху
рыбки
мечут икру.
Над аркой,
где свет электрический
множится,
лежит,
отдыхая,
мать-осьминожица.
Пялятся
в планы
предпринимате-
ли,—
каждый смотрит,
глазаст и внимате-
лен.
Говорит англичанин:
«Напрасный труд
—
к нам
войной
французы попрут».
Говорит француз:
«Напрасный труд

—
к нам
войной
англичане попрут».

И оба
решили,
идею кроша:
«На этот план
не дадим ни гроша».

И
изобретатель
был похоронен.
Он не подумал
об их обороне.

Изобретатели,
бросьте бредни
о беспартийности
изобретений.

Даешь —
изобретения,
даешь —
науку,
вооружающие
пролетарскую руку.

ПТИЧКА БОЖИЯ

Он вошел,
 склонясь учтиво.
Руку жму.
 — Товарищ —
 сядьте!
Что вам дать?
 Автограф?
 Чтиво?
— Нет.
 Мерси вас.
 Я —
 писатель.
— Вы?
 Писатель?
 Извините.
Думал —
 вы пижон.
 А вы...
Что ж,
 прочтите,
 зазвените
грозным
 маршем
 боевым.
Вихрь идей
 у вас,

должно быть.

Новостей

у вас

вагон.

Что ж,

пожалте в уха в оба.

Рад товарищу.—

А он:

— Я писатель.

Не прозаик.

Нет.

Я с музами в связи.—

Слог

изыскан, как борзая.

Сконапель

ля поэзи́.

На затылок

нежным жестом

он

кудрей

закинул шелк,

стал

барашком златошерстым

и заблеял,

и пошел.

Что луна, мол,

над долиной,

мчит

ручей, мол,
по ущелью.
Тинтидликал
мандолиной,
дундудел виолончелью.
Нимб
обвил
волосьев копны.
Лоб
горел от благородства.
Я терпел,
терпел
и лопнул
и ударил
лапой
об стол.
— Попрошу вас
покороче.
Бросьте вы
поэта корчить!
Посмотрю
с лица ли,
сзади ль,
вы тюльпан,
а не писатель.
Вы,
над облаками рея,
птица

в человеческий рост.
Вы, мусье,
из канареек,
чижик вы, мусье,
и дрозд.
В испытанье
битв
и бед
с вами,
што ли,
мы
полезем?
В наше время
тот —
поэт,
тот —
писатель,
кто полезен.
Уберите этот торт!
Стих даешь —
хлебов подвозу.
В наши дни
писатель тот,
кто напишет
марш
и лозунг!

СТИХИ О ФОМЕ

Мы строим коммуны,
и жизнь
сама
трубит
наступающей эре.
Но между нами
ходит
Фома,
и он
ни во что не верит.
Наставь
ему
достижений любых
на каждый
вкус
и вид,
он лишь
тебе
половину губы
на достиженья —
скривит.
Идем
на завод
отстроенный
мы —
смирись

перед ликом
факта.

Но скептик
смотрит
глазами Фомы:

— Нет, что-то
не верится как-то. —

Покажешь
Фомам
вознесенный дом
и ткнешь их
и в окна,
и в двери.

Ничем
не расцветятся
лица у Фом.

Взглянут
и вздохнут:
«Не верим!»

Послушайте,
вы,
товарищ Фома!

У вас
повадка плохая.

Не надо
очень
большого ума,
чтоб все

отвергать

и хаять.

И толк

от похвал,

разумеется, мал.

Но слушай,

Фоминая шатия!

Уж мы

обойдемся

без ваших похвал —

вы только

труду не мешайте.

Я СЧАСТЛИВ!

Граждане,
у меня
огромная радость.
Разулыбьте
сочувственные лица.
Мне
обязательно
поделиться надо,
стихами
хотя бы
поделиться.
Я
сегодня
дышу как слон,
походка
моя
легка,
и ночь
пронеслась,
как чудесный сон,
без единого
кашля и плевка.
Неизмеримо
выросли
удовольствий
дозы.

Дни осени —
баней воняют,
а мне
цветут,
извините,—
розы,
и я их,
представьте,
обоняю.

И мысли
и рифмы
покрасивели
и особен-
ные,
аж вытаращит
глаза
редактор.

Стал вынослив
и работоспособен,
как лошадь
или даже —
трактор.

Бюджет
и желудок
абсолютно превос-
ходен,
укреплен
и приведен в равновесие.

Стопроцентная
экономия
на основном
расходе —
и поздоровел
и прибавил в весе я.
Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие торты —
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных
апартаментах
рта.
Голова
снаружи
всегда чиста,
а теперь
чиста и изнутри.
В день
придумывает
не меньше ли-
ста,
хоть Толстому
ноздрю утри.

Женщины
околожили,
платья испестря,
все
спрашивают
имя и отчество,
я стал
определенный
весельчак и ост-
ряк —
ну просто —
душа общества.
Я
порозовел
и пополнял в лице,
забыл
и гриппы
и кровать.
Граждане,
вас
интересует рецепт?
Открыть?
или...
не открывать?
Граждане,
вы
утомились от жданья,
готовы

корить и крыть.
Не волнуйтесь,
сообщаю:
граждане —
я
сегодня —
бросил курить.

Мы

Мы —
Эдисоны
невиданных взлетов,
энергии

и светов.
Но главное в нас —
и это
ничем не зас-

лони́тся,—
главное в нас
это — наша
Страна Совет-

тов,
советская воля,
советское знамя,
совет-

ское солнце.
Внедряйтесь
и взлетайте

и вширь
и ввысь.

Взвивай,
изобретатель,
рабочую

мысль!
С памятник ростом
будут
наши капу-
сты
и
наши моркови,
будут лучшими в мире
наши
коровы
и ко-
ни.
Массы —
плоть от плоти
и кровь от
крови,
мы
советской деревни
титаны Марко-
ни.
Пошла
борьба
и в знании
класс
на класс.
Дострой
коммуны здание
смекалкой

масс.
Сонм
электростанций,
зажгись
пустыря-
ми сонными.
Спрессуем
в массовый мозг
мозга
люд-
ские клетки.
Станем гигантскими,
станем
невиданны-
ми Эдисонами
и пяти-,
и десяти-,
и пятидесятилет-
ки.
Вредителей
предательство
и белый
знаний
лоск
забей
изобретательством,
рабочий
мозг.

Мы —
Маркони
гигантских взлетов,
энер-
гий

и светов,
но главное в нас —
и это
ничем не зас-

лони́тся,—
главное в нас,
это — наша
Страна Советов,
советская стройка,
советское знамя,
советское солнце.

перенесен
громовый,
набатный лозунг.
Коммуну
вынь да положь,
даешь
непрерывность хода!
Даешь пятилетку!
Даешь —
пятилетку
в четыре года!
Этот лозунг
расти
и множь,
со знамен
его
размаши,
и в ответ
на это
«Даешь!»
шелестит
по совхозам
рожь,
и в ответ
на это
«Даешь!»
отзывается
гром

машин.
Смотри,
любой
малонер
и лгун,
пришипься,
правая ложь!
Уголь,
хлебá,
железо,
чугун
даешь!
Даешь!
Даешь!

ОКТАБРЬСКИЙ МАРШ

В мире
яснейте
рабочие лица,—
лозунг
и прост
и прям:
надо
в одно человечество
слиться
всем —
нам,
вам!
Сами
жизнь
и выжнем и выкуем.
Стань
электричеством,
пот!
Самый полный
развей непрерывкою
ход,
ход,
ход!
Глубже
и шире,
темпом вот эдаким!

Крикни,
 победами горд —
«Эй,
 сэкономим на пятилетке
год,
 год,
 год!»
Каждый,
 которому
 хочется очень
горы
 товарных груд,—
каждый
 давай
 стопроцентный,
 без порчи
труд,
 труд,
 труд!
Сталью
 блестят
 с генеральной строй-
ки
сотни
 болтов и скреп.
Эй,
 подвезем
 работникам стойким

хлеб,
 хлеб,
 хлеб!
В строгое
 зеркало
 сердцем взглянем,
счистим
 нагар
 и шлак.
С партией в ногу!
 Держи
 без виляний
шаг,
 шаг,
 шаг!
Больше
 комбайнов
 кустарному лугу,
больше
 моторных стай!
Сталь и хлеб,
 железо и уголь
дай,
 дай,
 дай!
Будем
 в труде
 состязаться и гнать-

ся.

Зря

не топчись

и не стой!

Так же вымчим,

как эти

двенадцать,

двадцать,

сорок

и сто!

В небо

и в землю

вбивайте глаз свой!

Тишь ли

найдем

над собой?

Не прекращается

злой

и классовый

бой,

бой,

бой!

Через года,

через дюжины даже,

помни

военный

строй!

Дальневосточная,

зорче
на страже
стой,
стой,
стой!
В мире
яснейте
рабочие лица,—
лозунг
и прост
и прям:
надо
в одно человечество
слиться
всем —
нам,
вам.

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

*К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.
Из разговора.*

*По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат,
под старую
 телегою
рабочие лежат.
И слышит
 шепот гордый
вода
 и под
 и над:
«Через четыре
 года
здесь
 будет*

город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут,
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».
Рос
шепоток рабочего
над темью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».
Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цветь,
когда

такие люди
в стране
в советской
есть!

ЛОЗУНГИ ПО КИМУ

Стекайтесь,
кепки и платки,
каждый,
кто в битве надежен!
Теснее
сплывай,
КИМ,
плечи
мировой молодежи!
С нового ль,
старого ль света,
с колоний
забитых
тащишься ль,
помни:
Страна советов —
родина
всех трудящихся.
КИМ —
лучших отбор,
фашисты —
худших сброд.
Красные,
готовьте отпор
силе
черных рот!

На Западе
капитал — западня.

Всей
молодой гольтьбой
поставим

в порядок дня
атаку,
штурм,
бой!

Повтори
сто двадцать крат,
на знаменах
лозунгом выставь,—
что шелковый
социал-демократ
не лучше
мясников-фашистов.

Интернационалом
крой,—
забьет голосина
(не маленький!)
нежноголосый рой
сынков

капитала-маменьки.
Не хвастаясь
и не крича,
соревнуясь
ударней,

выкорчевывай упорней,
по завету Ильича
капитала
корявые корни.
Работа
трудна и крута...
Долой
разгильдяйскую слизь!
Вздымай
производительность тру-
да:
себестоимость
срежь,
снизь!
Время
идет не скоро.
Год
с пятилетки
скиньте-ка.
Из КИМа
вон
паникеров!
Вон
из КИМа
нытиков!
Стекайтесь,
кепки и платки,

каждый,
кто в битве надежен!
Теснее
сплачивай,
КИМ,
плечи
мировой молодежи.

ОТРЕЧЕМСЯ

Дом за домом
крыши вздымай,
в небо
трубы
вверти!
Рабочее тело
хольте дома,
тройной
кубатурой квартир.
Квартирка
нарядная,
открывай парадное!
Входим —
и увидели:
вид —
удивителен.
Стена —
в гвоздях.
Утыкали ее.
Бушуйте
над чердаками,
зймы,—
а у нас
в столовой
висит белье
гирляндой

разных невыразимых.
Изящно
сплетая
визголосоие хоровое,
надрывают
дети
силенки,
пока,
украшая
отопление паровое,
испаряются
и высыхают
пеленки.
Уберись во-свояси,
гигиена незваная,
росой
омывайте глаза.
Зачем нам ванная?!
Вылазит
из ванной
проживающая
в ванне
коза.
Форточки заперты:
«Не отдадим
венти-
ляции
пот

рабочих пор!»
Аж лампы
сквозь воздух,
как свечи, фи-
тилятся,
хоть вешай
на воздух
топор.
Потолок
в паутиных усах.
Голова
от гудения
пухнет.
В четыре глотки
гудят примуса
на удивление
газовой кухне.
Зажал
топор
папаши кулачина,—
из ноздрей
табачные кольца,—
для самовара
тонкая лучина
папашей
на паркете
колется.
Свезенной

невыбитой
рухляди скоп
озирает
со шкафа
приехавший клоп:
«Обстановочка ничего —
годится.
Начнем
размножаться и плодиться».
Мораль
стиха
понятна сама,
гвоздями
в мозг
вбита:
— Товарищи,
переезжая
в новые дома,
отречемся
от старого быта!

Москва 22–23 ноября 1929 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Огромные вопросы,
огромней сло-
них,
страна
решает

миллионнолобая.
А сбоку
ходят
индивидуумы,
а у них
мнение обо всем
особое.

Смотрите,
в ударных бригадах
Союз,

держат темп
и не ленятся,
но индивидум в ответ:
«А я
остаюсь

при моем,
особом мнении».

Мы выполним
пятилетку,
мартены вос-
пламеня,

не в пять годов,
а в меньше,
но индивидум
не верит:
«А у меня
имеется, мол,
особое мненьище».
В индустриализацию
льем заем,
а индивидум
сидит в томлении
и займа не покупает
и настаивает на
своем
собственном,
особенном мнении.
Колхозим
хозяйства
бедняцких масс,
кулацкой
не спугнуты
злобою,
а индивидумы
шепчут:
«У нас
мнение
имеется
особое».

Субботниками
бьет
рабочий мир
по неразгруженным
картофелям и по-
леньям,
а индивидуумы
нам
заявляют:
«Мы
посидим
с особым мнением».
Не возражаю!
Консервируйте
собствен-
ный разум,
прикосновением
ничьим
не попортив,
но тех,
кто в работу
впрягся разом,—
не оттягивайте
в сторонку
и напротив.
Трясина
старья
для нас не годна —

ее
 машиной
 выжжем до дна.
Не втыкайте
 в работу
 клинья,—
и у нас
 и у массы
 и мысль одна
и одна
 генеральная линия.

НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?

Растет
 курьерский
 строительный
темп.
В бригадах
 в ударных —
 тыщи.
И лишь,
 как рак на мели,
 без тем
прозаик
 уныло свищет.
Отмашем
 в четыре
 пятерку лет,
но этого
 мало поэту.
В затылок
 в кудластый
 скребется по-
эт,
а тем
 под кудрею —
 и нету.
Обрезовой
 пулей

сельскую темь
кулак
иссверлил, неистов.
Но, видите ли,
не имеется тем
у наших
у романистов.
В две чистки
сметаем
с республики
сор,
пинок
и рвачу
и подлизе,
а тут
у рампы
грустит режиссер —
мол, нету
ни тем,
ни коллизий.
Поэт,
и прозаик,
и драмщик зачах,
заждались
муз поприблудней.
Сынам ли
муз
корпеть в мелочах

каких-то
строительных будней?
Скоро
и остатки
русалочных воспоми-
наний
изэлектричат
и Днепры
и Волховы,—
а искусство
живет еще
сказками няни,
идущими
от царей гороховых.
«Он» и «она»,
да «луна»,
да плюс —
фон
из революционных
героев и чер-
ни...
Литература
и ноет,
и пухнет, как
флюс,
и кажется,
посмотрю,
прочту —

и утоп-

люсь

от скуки

и от огорчений.

Слезайте

с неба,

заоблачный житель!

Снимайте

мантии древности!

Сильнейшими

узами

музу вяжите,

как лошадь,—

в воз повседневности.

Забудьте

про свой

про сонет да про

опус,

разиньте

шире

глаз,

нацельте

его

на фабричный корпус,

уставьте

его

на стенгаз!

Простите, товарищ,

я выразусь гру-

бо,—

но землю

облапьте руками,

чтоб трубадуры

не стали

«трубо...

раз-

трубо-дураками».

Брови
 поднял,
из ноздри —
 волосья.

«Что
 сегодня
идет
 в «Колóссе»?
Объехали этого,
 других догнали.

Идут
 какие-то
 две каналы.

Трепать
 галоши
походкой быстрой ли?
Не обернешь их,
и в ухо
 выстрелив.

Спешишь —
 не до шуток! —
и с прытью
 с блошиною
в людской
 в промежуток
вопьешься машиною.
И упрется
 радиатор

в индустриализа-
цию
веры
шоферия
не теряла,
товарищи,
и в быту
необходимо
взяться
за перековку
человеческого материа-
ла.

Я, товарищи,
хочу возноситься,
как подобает
господствующему
классу.

Я, товарищи,
из нищих вышел,
мне
надоело
в грязи побираться.

Мне бы, товарищи,
жить повыше,
у самых
солнечных

протуберанцев.
Мы, товарищи,
не лошади

и не дети —
скакать
на шестой,
поклажу взвалив?!

Словом,—
во-первых,
во-вторых,
и в-тре-

тых,—
мне
подавайте лифт.

ПРОЛЕТАРКА, ПРОЛЕТАРИЙ, ЗАХОДИТЕ В ПЛАНЕТАРИЙ

Войдешь
и слышишь
умный гуд
в лекционном зале.
Расселись зрители
и ждут,
чтоб небо показали.
Пришел
главнебзаведующий,
в делах
в небесных
сведущий.
Пришел,
нажал
и завертел
весь
миллион
небесных тел.
Говорит папаше дочь:
«Попроси
устроить ночь.
Очень
знать нам хочется,

звездная Медведица,
как вам
ночью
ходится,
как вам
ночью ездится!»
Завнебом,
пальчиком ведя,
покажет
звездомедведя.
Со звездою
в осень
скупо.
Здесь же
вызвездило купол.
Не что-нибудь,
не как-нибудь,
а ночь как ночь
и Млечный Путь.
И тут,
и сбоку,
и везде —
небесный свод
в сплошной звезде.
Как примус,
примутся мерцать,
спалая
влюбленные сердца.

Завнебом
вежливо спросили:
«Какие звезды
над Бразилией?»

Зажег
завнебом
Южный Крест,
невиданнейший
с наших мест.

Святят,
как миленькие,
небесные
светильники.
Аж может устроить
любая горничная
затмение лунное
и даже
солнечное.

Умри, поповья погань!
Побыв
в небесных сферах,
мы знаем —
нету бога
и нету
смысла
в верах.

Должен

каждый пролетарий
посмотреть
на планетарий.

и чтоб
совсем не очень
тратиться.

Но несмотря
на нежность сильную,
остановлю вас,
тих
и едок:

— Оно
на даму
на субтильную,
для
буржуазных дармоедок.
А с нашей
красотой суровою
костюм
к лицу
не всякий ляжет,

мы
часто
выглядим коровою
в купальных трусиках
на пляже.

Мы выглядим
в атласах —
репою...

Забудьте моду!
К черту вздорную!

Одежду
в Москвошвее
требуй
простую,
легкую,
просторную.
Чтоб Москвошвей
ответил:
«Нате!

Одежду
не найдете проще —
прекрасная
и для занятий
и для гуляний
с милым
в роще».

прельстясь,
комсомолец
ныряет пивны-
ми.

И вот
в комсомольце
срывается голос,
бубнят в пивных
декадентские дят-
лы.

И вот
оседает
упрямый волос,
спадают паклей
поповские патлы,
и комсомольская
твердая мысль
течет,
расклюнившись
пивом трехгор-
ным,
и от земли
улетают ввысь
идеализма
глупые вороны.

Если тебе —
комсомолец имя,
имя крепи

ЛЮБИТЕЛИ ЗАТРУДНЕНИЙ

Он любит шептаться,
хитер да тих,
во всех
городах и селеньицах:
«Тс-с, господа,
я знаю —
у них
какие-то затрудненьица».
В газету
хихикает,
над цифрой тру-
нив:
«Переборзили,
замашинив денежки.
Тс-с, господа,
порадуйтесь —
у них
какие-то
такие затрудненьишки».
Усы
закручивает,
весел и лих:
«У них
заухудшился день еще.
Тс-с, господа,
подождем —

у них
теперь
огромные затрудненьща». Собрав
шептунов,
врунов
и вруних,
переговаривается
орава:
«Тс-с-с, господа,
говорят,
у них
затруднения.
Замечательно!
Браво!»
Затруднения одолеешь,
сбавляет тон,
переходит
от веселия
к грусти.
На перспективах
живо
наживается
он —
он
своего не упустит.
Своего не упустит он,
но зато

у другого
выгрызет лишек,
не упустит
уоставиться
любой в сто задов
из очередишек.
И вылезем лишь
из грязи
и тьмы —
он первый
придет, нахален,
и, выпятив грудь,
раззаявит:
«Мы
аж на тракторах —
пахали».
Республика
одолеет
хозяйства несча-
стья,
догонит
наган
врага.
Счищай
с путей
завшивевших в ме-
щанстве,

*путающихся
у нас
в ногах!*

СТИХОТВОРЕНИЕ ОДЕЖНО-МОЛОДЕЖНОЕ

В известном октябре
известного годи-
ка
у мадам
реквизнули
шубку из котика.
Прождав Колчака,
оттого и потом
простилась
мадам
со своим мантом.
Пока
добивали
деникинцев кучки,
мадам
и жакет
продала на толкучке.
Мадам ожидала,
дождаться силясь,
и туфли,
глядишь,
у мадам изнаси-
лись.
Мадамью одежу

для платья удобно-
го
забыли мы?
Ничего подобного!
Рубли
завелись
у рабочей дочки,
у пролетарки
в красном платочке.
Пошла в Мосторг.
В продающем вос-
торге
ей
жуткие туфли
всучили в Мостор-
ге.
Пошла в Москвошвей —
за шубкой,
а
там ей
опять
преподносят
манто мадамье.
В Тэжэ завернула
и выбрала красок
для губок,
для щечек,
для бровок,

для

глазок.

Из меха —

смех

накрашенным роти-

ком.

А шубка

не котик,

так — вроде котик-

ка.

И стал

у честной

рабочей дочери

вид,

что у дамы

в известном годочке.

Москвошвей —

залежались

котики и

кошки.

В руки

моды

вожжи!

Не по одежке

протягивай ножки,

а шей

одежи

по молодежи.

Комментарии

Стихотворения Владимира Владимировича Маяковского 1929–1930 годов охватывают последний период его жизни. Это стихи о первой пятилетке проникнутые гордостью поэта-патриота за свое социалистическое Отечество, за нового человека, совершающего свой беспрецедентный подвиг во имя настоящего и будущего; сатирические стихи, бичующие все, что являлось тормозом пятилетки, — бюрократизм, подхалимство, пьянство, разгильдяйство и равнодушие; стихи, родившиеся под впечатлением от зарубежных поездок.

В 1929 году поэт вновь посетил Европу — Германию, Чехословакию, Францию (14 февраля выехал в Берлин — 2 мая вернулся в Москву). В результате этой поездки были написаны стихи — «Они и мы», «Монте-Карло», «Заграничная штучка», «Парижанка», «Красавицы», «В 12 часов по ночам», — явившиеся продолжением «Парижских стихов», созданных после поездки во Францию осенью 1928 года. В июле 1929 года были написаны «Стихи о советском паспорте» — одно из наиболее из-

вестных и популярных стихотворений Маяковского.

В стихотворениях «Долой шапки!», «На Западе все спокойно», «Долой! Западным братьям» ярко выражена антивоенная тема, программа мира, развернутая в поэзии Маяковского.

*На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет! —*

от имени миллионов заявил Маяковский, и грозно прибавил:

*Мы
требуем мира.
Но если
тронете...*

Значительное место в творчестве этого чрезвычайно важного для поэта периода, когда была задумана отчетная выставка «20 лет работы Маяковского» и вынашивалась поэма «Во весь голос», занимают стихи о назначении и роли поэзии в жизни общества. «Мрачное о юмористах», «Птичка божия», «На что

жалуетесь?», а также литературные эпиграммы.

Большинство стихотворений этих лет написано Маяковским по заданию редакций газет и журналов, главным образом «Комсомольской правды», в которой он постоянно сотрудничал. Стихи отличаются многообразием тем, отображающих все многообразие действительности, представленной в противоречиях и революционном развитии. Для поэта не было тем большей или меньшей значимости, каждая тема являлась темой *лирической*, воспринятой как своя личная боль, радость и гордость.

Перекопский энтузиазм! Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 9 января.

Напечатано в подборке, озаглавленной ««Это вам не 18-й год». Так злобно шипит обыватель. Мы не позволим баррикадные дни чернить и позорить». В примечании к подборке редакция писала: «Мы хотим, чтобы новые поколения молодежи усвоили себе лучшие традиции тех боевых дней, чтобы они в будничные дела вносили пафос и энтузиазм»

фронтальной борьбы». В заголовок подборки вошли перефразированные строки этого стихотворения, по-видимому, написанного по заданию газеты «Комсомольская правда».

Лозунги к комсомольской переключке. Готовься! Целься! Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 11 января.

Написано в связи с подготовкой Второй Всесоюзной переключки комсомола, развернувшейся на страницах «Комсомольской правды» перед VI конференцией ВЛКСМ.

Напечатано в газете вместе с материалами, посвященными организации переключки. В своем обращении ко всем членам ВЛКСМ газета писала: «Шевелитесь! Три месяца на страницах «Комсомольской правды» будет проходить переключка комсомольцев всех районов и ячеек СССР. Несите свой опыт на переключку! — Не медлите, не благодумствуйте, не отставайте. Пусть ни один комсомолец не останется в стороне от Второй Всесоюзной переключки!»

Итоги. Впервые — журн. «Трезвость и

культура» (орган общества борьбы с алкоголизмом). М., 1929, № 1, январь.

...яд в четвертях... — четверть — четвертая часть ведра (около трех литров).

Говорят. Впервые — журн «Чудак», М., 1929, № 3, январь.

Для номера журнала, посвященного «слухам... сплетне... клевете...», Маяковским были написаны тексты к дружеским шаржам работы неизвестного художника.

Барбюс, Анри (1873–1935) — выдающийся французский писатель-коммунист, друг Советского Союза.

Панаит Истрати (1884–1935) — французский писатель, румын по национальности. В момент выхода журнала с дружескими шаржами находился в Советском Союзе в качестве гостя. Приезд его освещался в газетной и журнальной периодике. Возвратившись во Францию, выступил в печати с клеветническими измышлениями против СССР и советской литературы. Это вызвало протест со стороны советской общественности: 9 ноября 1929 года «Литературная газета» напечатала

письмо группы советских писателей (в числе которых был и Маяковский) «К писателям Запада. Панаит Истрати и Советский Союз».

...из-за границы домой попав, после долгих вольтов... — Имеется в виду поездка Маяковского в Европу с 8 октября по 8 декабря 1928 года. В Париже Маяковский продолжал работу над комедией «Клоп». Во второй половине декабря пьеса была закончена и передана в Государственный театр имени Вс. Мейерхольда. Премьера состоялась 13 февраля 1929 года.

Ильинский, Игорь Владимирович (р. 1901) — известный советский актер, первый исполнитель роли Присыпкина в пьесе Маяковского «Клоп».

Кольцов, Николай Константинович (1872–1940) — советский биолог, генетик. В 1928 году выдвинул гипотезу, предвосхитившую главные положения современной молекулярной биологии и генетики.

Теоретики. Впервые — журн. «Красное студенчество», М., 1928/29 учебный год, № 9, январь.

Написано в связи с проводившейся журна-

лом кампанией за непрерывную производственную практику студентов.

Разговор с товарищем Лениным. Впервые — газ «Комсомольская правда», М., 1929, 20 января.

Написано к пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Мрачное о юмористах. Впервые — журн. «Чудак», М., 1929, № 5, январь.

Мало, што ли, помпадуров? Мало — градов Глуповых? — сатирические образы, созданные великим русским писателем-сатириком Салтыковым-Щедринным (1826–1889) в произведениях «Помпадурсы и помпадурши», «История одного города».

Урожайный марш. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 3 февраля.

Написано в связи с обращением ЦК ВЛКСМ от 16 января 1929 года ко всем комсомольским организациям с призывом развернуть подготовку к Всесоюзному походу за поднятие урожайности. Началом похода было объ-

явлено 15 февраля.

Напечатано на первой полосе номера, посвященного Всесоюзному походу, под общим заголовком: «Поднимайтесь в поход за общий труд на общей земле. Заставьте землю давать двойной урожай». Материалы второй полосы газеты идут под лозунгом из стихотворения «Урожайный марш»: «Даешь на дружбу руку, товарищ агроном!».

Трехполка, или *трехполье* — устаревшая система полеводства, применяемая в России до Октября 1917 года, с делением пашни на три поля, каждое из которых засевалось сначала озимыми культурами, затем яровыми, а на третий год оставалось под паром. С первых лет Советской власти, а особенно после коллективизации, «трехполка» заменялась системой многополья.

Карачун, карачун пришел (просторечие) — внезапная гибель смерть.

Проверь, товарищ, правильность факта — так или не так это. При жизни Маяковского опубликовано не было. Впервые — Полное собрание сочинений В. В. Маяковского в

12 томах, М., ГИХЛ, 1949, т. 12, по тексту воспоминаний А. Садовского (в 1928–1930 годах начальника московского радиодцентра).

Написано по заданию радиодцентра по раб-
коровским материалам и передавалось по ра-
дио 3 февраля 1929 года (в объединенном но-
мере центральной Радиодгазеты).

Это стихотворение, а также публикуемые в
настоящем томе стихотворения «Что такое?»,
«Который из них?», «Кандидат из партии»,
«Смена убеждений», «Любители затрудне-
ний» написаны в связи с развернувшейся в
1929 году проверкой и чисткой партийных ря-
дов и советского аппарата на основе резолю-
ции XVI конференции ВКП(б).

Душа общества. Впервые — журн. «Трез-
вость и культура», М., 1929, № 3, февраль.

Долой шапки! Впервые — газ. «Вечерняя
Москва», 1929, 22 февраля.

Написано к одиннадцатой годовщине со-
дня организации Рабоче-Крестьянской Крас-
ной Армии.

Тигр и киса. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 1 марта.

Напечатано среди материалов Ленинградской страницы, посвященной Второй Всесоюзной переключке комсомола. «Ленинград выходит на Вторую Всесоюзную переключку комсомола», — сообщала редакция. См. примечания к стихотворению «Лозунги к комсомольской переключке...».

Написано по письму юнкора в редакцию «Комсомольской правды».

ГУМЗ — главное управление мест заключения.

Наркомюст — Народный комиссариат юстиции.

Что такое? Впервые — журн. «Чудак», М., 1929, № 9, март.

Который из них? Впервые — журн. «Огонек», М., 1929, № 10, 10 марта.

Они и мы. Впервые — журн. «Молодая гвардия», М., 1929, № 6, март.

Написано в результате поездки в Герма-

нию и Францию осенью 1923 года (Маяковский вернулся в Москву 8 декабря 1928 года, а 14 февраля 1929 года вновь выехал в Европу).

Негорелое — в те годы небольшая пограничная станция на железнодорожной линии Минск — Барановичи.

Кандидат из партии. Впервые — журн. «Крокодил», М., 1929, № 18, май.

Монте-Карло. Впервые — журн. «Огонек», М., 1929, № 21, 31 мая.

Замысел стихотворения и первые наброски к нему относятся к осени 1928 года, когда Маяковский был во Франции и посетил Ниццу. Весной 1929 года (конец марта — начало апреля) во время своей последней поездки во Францию Маяковский вновь побывал в Ницце и Монте-Карло; по этим впечатлениям завершена работа над стихотворением.

Дворцы и палаццо монакского принца... — Имеется в виду комплекс крупнейших в мире игорных домов, патент на основание которых получила «Международная ассоциация общества морских купаний» в 1861 году. Располо-

жены на территории Монакского княжества, главным образом в Монте-Карло.

Вонзай самокритику! Впервые — газ. «Рабочая Москва», 1929, 2 июня.

Написано к годовщине со дня обращения ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 года «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» с призывом развивать критику и самокритику.

«Гигант» — зерносовхоз на Северном Кавказе.

...то ляпнет нам пятно Смоленск, то ляпнут астраханцы. — Имеются в виду факты разложения среди работников партийного и советского аппарата в Смоленске и Астрахани, получившие в 1929 году широкое освещение в газетах.

Два соревнования. Впервые — газ. «Пролетарская мысль», Златоуст, 1929, 21 июля.

23 июня 1929 года Маяковский выступал по радио с чтением этого стихотворения (в «Рабочей радиогазете»).

Лига наций — международная организация (1919–1939), имевшая своей целью согласно

уставу: «Развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». На деле проводила политику империалистических держав в первую очередь Великобритании и Франции.

На Западе все спокойно. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 2 июля.

Стихотворение напечатано в специальном интернациональном номере «Комсомольской правды», где помещены «письма зарубежных товарищей, рисующие повседневную работу секций КИМ, опыт комсомольской работы на Рейне, в макдональдовской Англии, в фашистской Польше, в далекой Канаде...». В стихотворении получили отражение присланные из-за рубежа материалы, свидетельствующие, что за лицемерными лозунгами «мира в промышленности», то есть отказа от классовой борьбы, скрывалась лихорадочная подготовка капитализма к будущей войне.

...бомбы — басмачам... — Басмачество — контрреволюционное националистическое движение в Средней Азии (1917–1926), в организации и вооружении которого участвовали

главным образом Англия и Америка, частично Турция, Китай, Афганистан. В 1929 году вооруженные отряды басмачей вновь проникли из-за границы предприняв попытку сорвать коллективизацию в республиках Средней Азии.

1 августа — Международный антивоенный день.

Заграничная штучка. Впервые — журн. «Огонек», М., 1929, № 25, 30 июня.

Написано по парижским впечатлениям.

В статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский в ряду своих поэтических замыслов назвал и тему этого стихотворения: «Есть темы разной ясности и мутности. ...Проститутка на бульваре Капуцинов в Париже. Проститутка, любить которую считается особенно шикарным потому, что она одноногая — другая нога отрезана, кажется, трамваем».

Парижанка. Впервые — «Женский журнал», М., 1929, № 12, декабрь.

Написано под впечатлениями от поездок в Париж. Последний раз Маяковский был во

Франции весной 1929 года. 30 июня 1929 года передавалось по радио в «Рабочей радиогазете». О замысле стихотворения на близкую тему встречается упоминание и в статье «Как делать стихи?»: «...старик при уборной в огромном геслеровском ресторане в Берлине».

Красавицы (Раздумье на открытии Grand oréga). Впервые — «Женский журнал», М., 1929, № 7, июль.

Написано по впечатлениям от поездки Маяковского в Париж осенью 1928 года.

Убиганятся — неологизм Маяковского, образованный от названия известной в те годы французской парфюмерной фирмы «Убиган».

Рефы — участники литературной группы РЕФ (Революционный фронт искусства), организованной Маяковским в 1929 году.

Шеншиля (разговорная форма) от *шиншилла* — дорогой серебристо-серый мех южноамериканского зверька.

Стихи о советском паспорте. Впервые — сб. «Туда и обратно», М., изд. «Федерация»,

1930 (вышел в декабре 1929 года).

Написано в июле 1929 года.

Нота Китаю. При жизни Маяковского опубликовано не было. Впервые — журн. «Огонек», 1930, № 12, 30 апреля.

Написано в связи с разгромом войск китайских милитаристов во время советско-китайского конфликта 1929 года Особой Краснознаменной дальневосточной армией под командованием маршала В. К. Блюхера.

Долой! Западным братьям. Впервые — журн. «Молодая гвардия», М., 1929, № 14 июль.

Написано к Международному антивоенному дню 1 августа.

...проходят гусары полком усачей... — перефразированные строки популярного в годы первой мировой войны романса:

*Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей
По улице, пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей.*

«Красивые, во всем красивом, они несли свои тела...» — цитата из стихотворения

И. Уткина «Атака» («Первая книга стихов», М., 1927).

Голосуем за непрерывку. Впервые — журн. «Огонек», М., 1929, № 37, 22 сентября.

Стихотворение написано в связи с декретом Совнаркома СССР от 26 августа 1929 года о переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР. В результате перехода на непрерывную производственную неделю вместо общепринятой семидневной недели была установлена пятидневка; таким образом выходные дни приходились на разные дни пятидневки.

8 сентября 1929 года Маяковский выступал по радио (в «Рабочей радиогазете») с чтением этого стихотворения.

Эх, машинушку пустим, непрерывная — сама пойдет. Наладим, подмажем да пустим!.. — перефразированная строфа старинной бурлацкой песни «Дубинушка».

Изобретательская семидневка. Впервые — журн. «Изобретатель», М., 1929, № 10, октябрь.

Написано к открытию Всесоюзного слета изобретателей, проходившего в Москве 12 и 13 сентября 1929 года.

12 сентября Маяковский выступал с чтением этого стихотворения по радио в приветствии от «Рабочей радиогазеты» Всесоюзному слету изобретателей.

Анчар (Поэма об изобретательстве). Впервые — журн. «Изобретатель», М., 1929, № 10, октябрь.

Написано в связи с Всесоюзным слетом изобретателей, проходившим в Москве 12 и 13 сентября 1929 года.

Зачин стихотворения, а также строки 6–7, 12–13 перефразируют первую строку баллады В. А. Жуковского «Лесной царь (из Гете)»: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой».

...«и умер бедный раб у ног непобедимого владыки» — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Анчар».

Застрельщики. Впервые — журн. «На трудовом фронте». М., 1930, № 1, январь.

Написано осенью 1929 года в связи с завер-

шением первого года первой пятилетки.

Американцы удивляются. Впервые — «Рабочая газета», М., 1929, 14 сентября.

Написано в связи с завершением первого года пятилетки; развивает тему предшествующего стихотворения.

13 сентября Маяковский выступал с чтением этого стихотворения по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Два опиума. Впервые — «Рабочая газета», М., 1929, 15 сентября.

Напечатано в подборке «Рабочая общественность объявляет беспощадную войну алкоголизму — разрушителю организма человеческого, общественного, государственного; возвышает свой голос против увеличения выпуска водки, против попыток сорвать пятилетку нашей индустриализации».

Написано в связи с «антиалкогольной неделей», проводившейся в Москве с 15 по 22 сентября.

В первый день «антиалкогольной недели» стихотворение передавалось по радио (в «Ра-

бочей радиогазете»).

...с флагов сияет «Культура и отдых». — В 1928 году в Москве был создан первый парк культуры и отдыха, впоследствии названный Центральным парком культуры и отдыха им. А. М. Горького.

Надо бороться. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 22 сентября (без первых 16 строк). Полная публикация — 8-й том Собрания сочинений (сдан в издательство 16 декабря 1929 года. Вышел после смерти Маяковского).

В «Комсомольской правде» стихотворение напечатано в подборке под общим заголовком: «Превратим союз воинствующих безбожников в многомиллионную, боевую организацию трудящихся. Религия — тормоз пятилетки».

Смена убеждений. Впервые — «Рабочая газета», М., 1929, 27 сентября.

Написано в связи с развернувшейся в 1929 году чисткой советского аппарата, когда, одновременно с проверкой государственных ор-

ганов, чистке были подвергнуты общественные организации — профсоюзы, Осоавиахим, МОПР.

Осоавиахим — общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству, ныне ДОСААФ СССР.

МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

Пример, не достойный подражания (Тем, кто поговорили и бросили). Впервые — «Рабочая газета», М., 1929, 28 сентября.

Написано в связи с «антиалкогольной неделей», проходившей в Москве с 15 по 22 сентября 1929 года.

Первые из пяти. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1929, 1 октября. Номер посвящен успешному завершению первого года пятилетки и началу нового — второго года пятилетки.

Напечатано на первой полосе газеты. Вся первая полоса дана под лозунгом, написанным Маяковским:

«Вперед непрерывным полным хо-

*дом!
Выполним пятилетку в четыре
года!»*

В 12 часов по ночам. Впервые — сб. «Туда и обратно».

Написано по впечатлениям осени 1928 года, когда Маяковский был в Париже. В заглавии и строках 45–47 пародийно использованы строки из баллады австрийского поэта Цедлица (1790–1862) «Ночной смотр» (перевод В. А. Жуковского), посвященной памяти французского императора и полководца Наполеона I.

«Почила в бозе...» — почил в бозе (умер в боге или в мире) (устаревшее) — официальная форма сообщения о кончине, принятая в дореволюционной России.

А тут еще почила императрица, государыня Мария Феодоровна — Мария Феодоровна — бывшая русская императрица, мать Николая II. Умерла в Копенгагене 13 октября 1928 года.

«рю Дарю» — улица в Париже, названная в честь наполеоновского генерала.

...ленты андреевские... — Имеется в виду голубая лента через плечо, на которой носили высший знак отличия в царской России — орден «Андрея Первозванного».

Помните! Впервые — сб. «Туда и обратно».

Птичка божия. Впервые — сб. «Туда и обратно».

Мысли, близкие поэтической идее этого стихотворения, Маяковский развивал в полемически-заостренной форме, выступая и Доме комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 года: «...поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические любовные темы, но поэт тот, кто в нашей обостренной классовой борьбе отдает свое перо в арсенал вооружения пролетариата, который не гнушается никакой черной работы, никакой темы о революции, о строительстве народного хозяйства и пишет агитки по любому хозяйственному вопросу».

Сконапель ля поэзи — (се qu'on appelle la poésie) (*франц.*) — то, что называют поэзией.

Стихи о Фоме. Впервые — журн. «Крокодил», М., 1929, № 39, октябрь.

11 октября 1929 года стихотворение передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Фома неверующий (или *Фома* неверный) — принято говорить о человеке, которого нельзя убедить в бесспорном и очевидном. Выражение связано с евангельским преданием об апостоле Фоме, отказавшемся поверить в воскресение Христа.

Я счастлив! Впервые — газ. «Вечерняя Москва», 1929, 14 декабря.

Написано не позднее первой половины октября 1929 года.

Мы. Впервые — журн. «Огонек», М., 1929, № 42, 27 октября.

Эдиссон, Томас Алва (1847–1931) — знаменитый американский изобретатель в области электротехники и связи.

Маркони, Гульельмо (1874–1937) — итальянский радиотехник, которому приписывалось изобретение радиотелеграфа. В действительности русский ученый А. С. Попов

(1859–1906) значительно ранее (в 1895 году) предложил систему связи без проводов, но свое изобретение не патентовал.

Даешь! Впервые — журн. «Даешь», М., 1929, № 11, октябрь; одновременно в изд. журнала «Даешь» вышло отдельным изданием с нотами композитора Н. Рославца. В обеих публикациях заглавие — «Даешь и даешь».

Октябрьский марш. Впервые — газ. «Труд», М., 1929, 7 ноября.

Написано к двенадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 7 ноября передавалось по радио (в «Рабочей радиогазете»).

Дальневосточная. — Имеется в виду Особая Краснознаменная дальневосточная армия, которой с 1929 по 1938 год командовал В. К. Блюхер.

Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. Впервые — журн. «Чудак», М., 1929, № 46, ноябрь.

Хренов, Иулиан Петрович (1901–1939) —

знакомый Маяковского, участник строительства Кузнецкого металлургического комбината. Член партии с 1918 года. В годы гражданской войны — политработник. В 1922 году — секретарь президиума Центрального совета союза металлистов. В 1929 году командирован на Кузнецкстрой. В 1933 году назначен помощником секретаря Донецкого обкома партии. В декабре 1933 года приказом по Наркомтяжмашу СССР И. П. Хренов назначен заместителем директора строящегося Новокраматорского машиностроительного завода, а после окончания стройки в 1935 году — директором Славянского изоляторного завода.

Художник Н. Денисовский вспоминает: «С Иулианом Петровичем Хреновым я познакомился на квартире у В. В. Маяковского, который его очень любил. Маяковский ценил его энтузиазм, безграничную энергию и преданность порученному делу... Хренов возвратился только что из Кузбасса и рассказал очень интересно о героических делах людей Кузнецкстроя.

В. В. Маяковский, увлеченный его рассказом, написал стихотворение «Рассказ Хренова

о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» («Комсомольское знамя», Киев, 1965, 8 августа).

Стихотворение, написанное Маяковским, дошло до строителей Кузнецка. Писатель Александр Смердов, бывший в то время рабочим, вспоминал, какое мобилизующее действие оказывали поэтические строфы Маяковского: «Прочитал стихотворение Маяковского строителям один наш паренек-арматурщик в дни, когда готовилось бетонное основание под первую домну. Стужа стояла такая, что бетонщики не успевали замесить бетон, как он превращался в камень, но каменщики все-таки заложили фундамент. Буран норвил смахнуть с лесов плотников, строивших тепляки над будущими цехами, мороз так прокаливал железо, что к нему примерзали ладони арматурщиков, но плотники все выше поднимали строительные леса, арматурщики гнули железные прутья и плели из них каркасы цехов. Когда товарищи по бригаде начинали жаловаться на мороз, арматурщик комсомолец Володя застуженным голосом выкрикивал стихи Маяковского:

Сливеют

губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!

Стихи очень действовали...» (Б. Челышев. «Поиски, встречи, находки». Кемеровское книжное издательство, 1963, стр. 23).

Бывший главный инженер строительства (впоследствии вице-президент Академии наук СССР) Иван Павлович Бардин вспоминал, какое впечатление на строителей Кузнецкстроя произвели стихи Маяковского:

«Мне хочется... отметить, что уместное участие литераторов приносит большую пользу, — говорил он в одном из своих выступлений. — Так, поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»... Этим он

поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты» (Цит. по книге: Б. Чельшев. «Поиски, встречи, находки», Кемеровское книжное издательство, 1963, стр. 25–26).

Лозунги по КИМу. Впервые — «Рабочая газета», М., 1929, 22 ноября.

Стихи написаны к десятилетию празднования КИМа.

КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи — международная молодежная организация, действовавшая в 1919–1943 годах; являлась секцией Коминтерна.

Отречемся. Впервые — журн. «Чудак», М., 1930, № 3 январь, под заглавием «Старое и новое».

Маяковский сдал машинописный текст этого стихотворения и в журнал «Пятидневка», зачеркнув заглавие «Старое и новое» и сверху написав: «Отречемся» («Пятидневка», М., 1930, № 13, апрель, четвертая пятидневка).

Особое мнение. Впервые — журн. «Крокодил», М., 1929, № 46, декабрь.

2 декабря стихотворение передавалось по радио в «Рабочей радиогазете».

Смотрите, в ударных бригадах Союз... — 20 января 1929 года в газете «Правда» была впервые напечатана статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», написанная еще 7–10 января (по новому стилю) 1918 года. В 1929 году по Советскому Союзу развернулось массовое движение ударных бригад. В декабре этого же года в Москве собрался Первый Всесоюзный съезд ударных бригад.

На что жалуется? Впервые — журн. «Даешь», М., 1929, № 13, декабрь.

Стих как бы шофера. Впервые — журн. «Даешь», М., 1929, № 14, декабрь.

Автодор — общество содействия развитию автомобилизма и улучшения дорог в РСФСР. Маяковский был членом Автодора с 25 ноября 1927 года.

«Колосс» — название кинотеатра, помещавшегося в здании Московской консерватории.

рии.

Даешь материальную базу! Впервые — газ. «Правда», М., 1929, 27 декабря.

В рукописи стихотворение названо «Вопль тела».

В «Правде» напечатано в «Листке Рабоче-Крестьянской инспекции» под общим заголовком «Под контроль масс». В стихотворении использован ряд фактов из рабочих корреспонденций, напечатанных на той же странице «Правды» под заголовками: «Удобства не роскошь, а необходимость», «Не строить без лифтов», «Ванна необходима».

Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий. Впервые — газ. «Вечерняя Москва», 1929, 28 декабря.

Написано в связи с открытием в Москве 5 ноября 1929 года первого в СССР планетария.

Последний крик. Впервые — сб. «Без доклада не входить», М.-Л., Госиздат, 1930 (сдан в издательство 12 февраля 1929 года, вышел после смерти Маяковского).

Не увлекайтесь нами. При жизни Маяковского не публиковалось. Впервые напечатано в 10-м томе Собрания сочинений, подготовленном к изданию уже после смерти Маяковского.

Любители затруднений. Впервые — журн. «Крокодил». М., 1930, № 1, январь.

«Мы аж на тракторах — пахали» — перефразировано ставшее крылатым выражение из басни И. И. Дмитриева «Муха» (1805): «— Мы пахали». Так обычно характеризуются люди, желающие показать, будто они принимали участие в работе, а на самом деле приписывающие себе чужие заслуги.

Стихотворение одежно-молодежное.
Впервые — журн. «Чудак», М., 1930, № 1, январь.

С. Коваленко